

К ВОПРОСУ О РОЛИ, СЫГРАНОЙ СМОЛЕНСКИМИ ПОЛКАМИ В ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЕ

Р.Б. ГАГУА

*Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Грюнвальдской битве 1410 года посвящены сотни научных и популярных работ и публикаций. В то же время по ряду вопросов, касающихся самых различных аспектов сражения, среди историков по сей день не существует единого мнения.

Такое положение сложилось благодаря тому, что в некоторых национальных историографиях до сих пор господствуют стереотипы, связанные с ходом и оценкой сражения. Одним из таких стереотипных предубеждений является уверенность в решающей и исключительно важной роли смоленских полков в победе, одержанной под Грюнвальдом в 1410 году объединёнными войсками Польского королевства и Великого княжества Литовского над, казалось бы, непобедимой армией Тевтонского ордена.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Положение о решающей роли смоленских полков появилось на свет и было разработано в российской дореволюционной исторической науке. Так, уже Н. М. Карамзин в своем знаменитом труде «История государства российского» отмечал, что великий князь литовский Витовт «*в кровопролитной с немцами битве, где более 60 тыс. человек легло на месте, одержал победу единственно храбростью верных ему смоленских воинов*» [10; с. 261].

Более чем через сто лет примерно такую же оценку битве дал другой известный русский историк – Д. И. Иловайский: «*На западе борьба с Тевтонским орденом увенчалась полным успехом; литовский князь объединился с польским королем, и общими силами они сокрушили навсегда могущество рыцарей битвою при Танненберге (1410). В ней участвовали полки всех западнорусских княжеств, и несомненно главная часть победы принадлежала Смоленскому полку. Эту победу Жмудь была освобождена от крестоносцев*» [8; с. 86].

Наиболее точное и оформленное выражение данная концепция получила в изданной под названием «Грюнвальденская битва 1410 года» речи М. О. Кояловича, которая была произнесена на торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 февраля 1885 года [11]. Ярый приверженец концепции западнорусизма, российский историк, рассматривая сражение, изобразил яркую, почти эпическую картину, восславлявшую смолян: «*... немцы направили всю силу, прежде всего, на это храброе литовско-русское войско. Они смяли первый его ряд, затем они же и остатки самих смятых надавили на второй ряд, второй на третий, и большая часть правого литовско-русского крыла ударилась в бегство.*

Предстояла опасность, что обнаружится правый бок польского войска; предстояла опасность, что обнаружится перед немцами даже часть тыла польского войска, потому что немцы шли наискось и пробирались уже к обозам; в следствии этого стала колебаться и отступить назад и польская часть войска. Битва склонялась явно в пользу немцев. Литовские беглецы уже принесли в Литву известие о совершенном поражении от немцев. В победе своей убеждены были и немцы и уже пели: «Христос воскрес!»

Но в этот критический момент спасли славянское дело и дали ему совсем другое направление доблестные смоленские полки. Они как скала стояли напротив немцев и выдерживали все их натиски. Лёг костями первый отряд, но устояли второй и третий, и это было тем важнее, что смоленские полки занимали место у центра войска, подле поляков и почти против соединения дорог из Грюнвальда и Танненберга, по которым двигались с особенной силой немцы. Смольняне защитили собой бок польского войска, дали ему время собраться опять с силами и даже стали бить в бок немцам, уносившимся за литовскими беглецами.

Витовт, изнемогавший в усилиях остановить, собрать и устроить беглецов, имел, однако, достаточно присутствия духа, чтобы принять величие момента и доблести смолян.

[...] В это время...отделился один отряд польского войска, пошёл в обход к Грюнвальду и ударил в бок подвинувшимся вперёд немцам. Этот обход, возможный, как всякому очевидно, только при стойкости центра, т. е. при доблести смолян, дал значительно иной оборот битве...» [11; с. 11 – 12].

И как результат: «...основа всего успеха была в доблести смолян и в Витовте, который в этой битве проявил едва ли не в высшей степени свой военный талант» [11; с. 13].

После революции 1917 года миф о смоленских полках в совершенно неизменном виде влился в советскую историографию. В период с 1939 по 1943 год вышло сразу несколько научных русскоязычных работ о польско-литовских войнах с Немецким орденом. Некоторые из авторов при этом ограничивались лишь кратким упоминанием о Грюнвальде, как это сделали В.И. Пичета и В.Н. Тихомиров. Однако трактовка событий в их изложении ни на йоту не отошла от принятой в дореволюционной исторической литературе.

Первый из них писал, что «15 июля 1410 года ополчения Польши, Литвы и Руси встретились с рыцарями в лощине между деревнями Грюнвальдом и Танненбергом. Рыцари были наголову разбиты, причем решающая роль в этом сражении выпала на долю трех смоленских полков, из которых один полк был полностью уничтожен» [13; с. 25 – 39]. Сообщение второго историка практически ничем не отличается. В.Н. Тихомиров также пишет, что «знаменитая Грюнвальдская битва 1410 года была выиграна благодаря мужеству русских отрядов, в особенности героического смоленского полка, принявшего на себя немецкий удар» [7; с. 60 – 63].

В работах Н.П. Грацианского и Ю.И. Жюгжды сражение описывается более подробно, но при этом в обоих случаях рисуется идентичная картина боя: при нерешительности Ягайлы, граничащей с трусостью, инициативу берет Витовт и руководит сражением. Смоленские полки спасают положение, проявив стойкость, и далее литовские и русские хоругви, сумев перестроиться после бегства, производят окружение и разгром крестоносцев [7; с. 60 – 63].

В 1960 году на страницах «Военно-исторического журнала» по случаю 550-й годовщины сражения была опубликована статья Виктора Пашуто и Мечиславо Ючаса. Ими приводится довольно краткое описание битвы, опирающееся всё на ту же традиционную мифологию о смоленских полках. «Ход битвы, как следует из принятого ныне толкования источников, рисуется в таком виде, – пишут они. – Первый этап. В 9 часов утра 15 июля Ягайло двинул на левый фланг врага легкую литовско-русско-татарскую конницу, оставив другую часть войска под командованием Витовта в резерве. Вскоре в бой втянулась значительная часть немецких сил. Войско Витовта стало отступать, увлекая за собой противника по свойственной литовцам тактике. При этом огромная ответственность пала на три смоленские хоругви, стоявшие на стыке польских и литовско-русских войск. Под командованием литовского князя Семена-Лингевина Ольгердовича они героически выдержали натиск устремившихся в наступление рыцарей и прикрыли фланг польского войска» [12; с. 84].

Аналогичная статья Г. Караева и Н. Королюка, посвящённая, как и предыдущая, 550-летию Грюнвальда, а впоследствии и опубликованная спустя 25 лет в тех же самых «Вопросах истории» статья Б. Флори, ничего не изменили в общепринятой историографической традиции. Так, Б. Флоря со ссылкой на Г. Караева и Н. Королюка утверждал следующее: «В своём рассказе Длугош противопоставил поведение литовского войска действиям трёх смоленских полков, которые в отличие от других не отступили, продолжая сражение с крестоносцами.

[...] Почему они не отошли вместе со всем войском Великого княжества Литовского? Прямых сведений нет, ответ же подсказывается общим положением на поле битвы: отход литовских войск, хотя и приносивший определённые выгоды, вместе с тем был чреват серьёзной опасностью. Преследуя отступавших, конница крестоносцев могла зайти в тыл войскам правого крыла. Именно эту опасность предотвратили «соединившись с польским войском» смоленские полки. В тяжёлый для армии союзников момент «примыкавшие к польскому войску справа смоленские полки прочно занимали отведённое им место и, несмотря на тяжёлые потери, обеспечили защиту польских полков от флангового удара рыцарей». Это имело большое значение для общего исхода сражения» [9; с. 98; 16; с. 111].

После обретения Литвой и Беларусью суверенитета вопрос о роли, которую сыграли смоленские полки в Грюнвальдском сражении, приобрёл в литовской и белорусской исторической науке ярко выраженную национальную окраску. Впервые их героизм и решающая роль в победе были поставлены под сомнение.

Литовские исследователи, в первую очередь в лице Мечиславоса Ючаса и Эдвардаса Гудавичуса, решили эту проблему достаточно просто – путём отказа от признания факта бегства с поля битвы армии Великого княжества Литовского, заменив его выполнением манёвра «заманного» бегства. Таким образом, вопрос о роли смоленских полков просто отходил на второй план, поскольку манёвр осуществлялся всей армией Витовта [2; с. 89–92].

В Беларуси пошли несколько дальше, чем в Литве, не только отказавшись от признания бегства хоругвей Витовта, но и сделав смоленские полки этнически не русскими, а белорусскими.

Уже известный белорусский писатель Константин Тарасов в послесловии к своему роману «Погоня на Грюнвальд» писал следующее: *«Смоленское княжество окончательно было подчинено Витовтом в 1406 году; его западные области с городами Оршей, Мстиславлем, Пропойском отошли к Великому княжеству Литовскому намного раньше, ещё при Ольгерде. Указание Длугоша, что в битве выступали три смоленских полка, вызывает достаточное недоумение, поскольку он сам, перечисляя полки, называет смоленский полк в единственном числе; затем же речь идёт о трёх хоругвях. Сам Смоленск непосредственно выправить три полка никоим образом не мог; в сравнении с тем, что Полоцк, Владимир, Вильно выставили по полку, это было бы очень странно. Речь, таким образом, может идти лишь о полках Смоленщины. Тогда, если прибавить к названной смоленской хоругви два не названных полка со Смоленщины – мстиславский и оршанский, запись Я. Длугоша обретает ясность в отношении количества; насколько же стойкостью и мужеством эти полки отличались перед другими полками войска – вопрос особый»* [14; с. 281].

Далее эта концепция была воспринята официальной белорусской историографией, поскольку перекочевала в «Энциклапедыю Гісторыі Беларусі», где в статье С. Терохина, посвящённой сражению при Грюнвальде, утверждается, что в битве *«особо отличились»* мстиславская и оршанская хоругви [17; с. 159].

Нетрудно заметить, что главным недостатком подобной трактовки является её очевидная умозрительность, недостаточно подтверждённая данными исторических источников. Даже противоречия в повествовании Яна Длугоша не были подвергнуты сколько-нибудь серьёзному анализу.

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

Для того чтобы решить вопрос, является ли сообщение Яна Длугоша о смоленских полках с последующими историографическими трактовками, приписывающими им главную роль в одержании победы при Грюнвальде, мифом или правдой, следует провести основательный компаративный анализ исторических свидетельств с поэтапным модулированием конкретных исторических условий.

Для начала отметим, что Ян Длугош не был очевидцем Грюнвальдской битвы, поскольку родился в 1415 году – то есть через пять лет после того, как она произошла – и поэтому при описании сражения вынужден был пользоваться другими источниками.

Среди них особо следует отметить два – анонимную «Хронику конфликта короля Владислава с крестоносцами в год Христов 1410» и представленную в так называемом «Чигизском манускрипте» компиляцию неизвестного автора, существенно переработавшего и дополнившего в нём труд Энеа Сильвио Пикколомини «О Ливонии». Оба произведения, вне всяких сомнений, были известны «отцу польской истории» и использованы им при создании его знаменитой «Истории Польши».

Согласно их сообщениям на первом этапе битвы при Грюнвальде произошла конная сшибка правого крыла со стороны союзников, которое занимали хоругви Великого княжества Литовского под командованием князя Витовта, с левым крылом армии крестоносцев, которое занимали хоругви, составленные из элитарного рыцарства под командованием великого маршала Тевтонского ордена Фридриха фон Валенрода. В сшибку оказались вовлечены также два отряда из польского крыла – хоругвь передней стражи под малым знаменем с белым орлом и хоругвь Святого Георгия, состоящая из чешских и моравских наёмников.

После ожесточённого столкновения, длившегося, по-видимому, около часа, то есть примерно до десяти часов утра, часть хоругвей Великого княжества Литовского обратилась в бегство, соответственно, часть хоругвей Фридриха фон Валенрода пустилась в их преследование, нарушив боевой строй. Так, Чигизский манускрипт сообщает, что *«...сойдясь в битве, ...безоружные татары и литовцы понесли тяжёлые потери, давили (крестоносцев) однако численностью, а не опорой на плечи поляков. В жестокой же битве пало трупов сверх меры, и стало видно, что пруссы не так быстро раны наносят как сами от татар или литовцев получают. Тянулся около часа бой, когда самые славные*

пали с обеих сторон, литовцы, русские и татары, как животные, в жертву приносились» [21; с. 235].

Реляция Чигизского манускрипта подтверждается «Хроникой конфликта...»: «Другая же часть врагов среди тех, самых лучших людей крестоносцев, сошлись с большим запалом и криками с людьми Витовта, и после без малого часа взаимной битвы, потери с обеих сторон были настолько велики, что люди князя Витовта вынуждены были отступить. Тогда враги, преследуя их, решили, что уже одержали победу и, нарушив строй, отделились от своих хоругвей и рядов своих отрядов, и перед теми, кого вынудили бежать, начали отступать» [19; с. 438].

При этом армия Витовта понесла огромные потери – до половины личного состава.

В данном моменте описание, представленное «Хроникой конфликта...», существенно отличается от реляции Яна Длугоша, который красочно описал бегство крыла, занимаемого армией Витовта, из которого единственно «русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знамёнами. Одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены, и знамя их было втоптанно в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и героизм в сражении; все же остальные, оставив поляков сражаться, бросились врассыпную в бегство, преследуемые врагом» [6; с. 102].

Собственно, именно представленное сообщение Яна Длугоша и привело к появлению в русской дореволюционной, а также советской историографии убеждения в том, что смоленские полки сыграли решающую роль в Грюнвальдском сражении и спасли положение своей стойкостью, предотвратив поражение союзных армий [4; с. 15–22].

Следует отметить, что если отнестись к реляции польского хрониста даже с минимальной долей критицизма, то мы обнаружим сплошные противоречия в его нарративе, выразившиеся в нестыковке времени и места происходящих событий. Заключаются они в следующем.

Первоначально, как уже не раз было отмечено ранее многими историками, Ян Длугош упоминал, что в армии Витовта находилась только одна смоленская хоругвь, а не три [6; с. 91]. Однако никто при этом не заметил, что в описании сражения хронист ни разу не упоминает о действиях каких-либо других конкретных хоругвей со стороны Великого княжества Литовского.

Не совсем понятно, каким образом хоругви Витовта могли быть отличены представителями Польши во время боя одна от другой, если они имели всего две разновидности знамён – с «Погоней» и «Гедиминовыми столпами»?

Как «Хроника конфликта...», так и летописи Ордена – продолжение «Хроники земель Прусских» помезанского официала Яна фон Поссильге и Торуньские анналы – сходятся в том, что войска Великого княжества Литовского участвовали в окружении и разгроме крестоносцев. Правда, первоначально армия Витовта понесла тяжёлые потери, как об этом свидетельствуют компиляторы Энеа Сильвио Пикколомини.

Подтверждение находим в донесении Генриху фон Плауену из Тапиау от двадцать первого октября 1410 года, в котором сообщалось, что Витовт должен был потерять в битве под Грюнвальдом *половину* своей армии, поскольку только с половиной рыцарей вернулся в свои земли [18; с. 213]. Получается, что половина армии Великого княжества Литовского осталась на поле боя и продолжала бой, а не только три полка.

Далее Ян Длугош пишет, что отступила также наёмная хоругвь Святого Георгия со стороны союзников, которая, однако, вскоре вернулась из леса и снова вступила в сражение [6; с. 104].

Тут же, согласно его сообщению, во время возвращения из преследования бежавшей армии Великого княжества Литовского рыцари из армии Тевтонского ордена, «ведя с собой множество пленных и держа себя победителями», увидели, что армия ордена начинает уступать, бросили добычу и вступили в бой.

В этот момент, как пишет хронист, «с подходом новых воинов борьба между войсками становится ожесточённой. И так как с обеих сторон пало множество воинов, и войско крестоносцев понесло тяжёлые потери рыцарями, а к тому же его отряды смешались, и предводители их были перебиты, то появилась надежда, что оно обратится в бегство. Однако, благодаря упорству крестоносцев Ордена и рыцарей чешских и немецких, замиравшее уже было во многих местах сражение снова возобновилось» [6; с. 104].

При этом Ян Длугош замечает, что «Витовт, великий князь литовский, весьма огорчаясь бегством своего войска и опасаясь, что из-за несчастной для них битвы будет сломлен и дух поляков, посылал одного за другим гонцов к королю, чтобы он спешил без всякого промедления в бой;

после напрасных просьб князь спешно прискакал сам, без всяких спутников, и всячески упрашивал короля выступить в бой, чтобы своим присутствием придать сражающимся более одушевления и отваги» [6; с. 102].

Для сравнения приведём сначала цитату из Чигизского манускрипта: «Когда король в шатре по обычаю был на богослужении, конца мессы дожидаясь, пришёл Витовт, брат его, укоряя короля за его нравы, и что послать на помощь все войска не хочет. Король, Божьей себя предоставив защите, пролил слёзы и, вскочив на своего коня, тотчас же в битву силой оружия несгибаемого вступил. Произвёл [он этим] неожиданную перемену: сражение возобновилось снова. Павшие духом немцы, ранее понёсшие столь большие потери и уже с трудом поднимавшие оружие, к битве вернулись» [21; с. 236].

А далее – из «Хроники конфликта...», согласно которой польское крыло вступило в сражение ещё до бегства части хоругвей великого княжества Литовского: «Когда уже обе армии, как королевская, так и Витовта, сошлись и бились со всеми отрядами врага – а большая часть войск пруссов из отборных своих отрядов была построена напротив людей князя Витовта, хоругви Святого Георгия и хоругви нашей передней стражи – встретились с громким гулом и безграничной конской прытью в одной долине таким образом, что противник сверху, и наша сторона также сверху взаимными ударами один другого разить начали» [19; с. 437].

Транслируя некоторые несоответствия между сообщениями двух своих источников, Ян Длугош первоначально перед описанием бегства поместил сообщение, что в бою с противником сошлись как поляки, так и хоругви Витовта: «крестоносцы, заметив, что на левом крыле против польского войска завязалась тяжёлая и опасная схватка (так как их передние ряды уже были истреблены), обратили силы на правое крыло, где построилось литовское войско; войско литовцев имело более редкие ряды, худших коней и вооружение, и его, как более слабое, казалось, легко было одолеть» [6; с. 102]. Потом же хронист указал, что Витовт просил вступить в бой не польскую армию, а непосредственно Ягайло, чтобы он личным примером вдохновил рыцарство на бой.

Очевидно, что при создании описания сражения Ян Длугош, используя в первую очередь «Хронику конфликта...» и Чигизский манускрипт, пытался синтезировать их свидетельства. Когда же возникали определённые противоречия и нестыковки в сообщениях этих источников, он пытался исправить их, прибегая к изустным свидетельствам и собственным догадкам. В результате сражение «обрастало» новыми подробностями, как правило, являвшимися результатами не более чем догадок и домыслов хрониста.

В конечном итоге, интеграция иногда не совсем последовательных сообщений источников с легендарными известиями, пропущенная через сито авторских фантазий, привнесла ещё большую путаницу в нарратив Яна Длугоша.

Так, в «Хронике конфликта...» содержится сообщение о начале битвы следующего содержания: «...все вместе начали со слезами петь «Богородицу» и двинулись в бой, проливая слёзы, которые сам король извлёк из их сердец своими словами. По правую руку вступил в бой князь Витовт со своими людьми, с хоругвью Святого Георгия и хоругвью передней стражи. Ненадолго перед самым началом битвы прошёл лёгкий тёплый дождь и смыл пыль с конских копыт. А в самом начале этого дождя пушки врага, а у врага их было великое множество, дали два залпа каменными ядрами, но не смогли этим обстрелом причинить никакого вреда; и при первой же стычке с людьми короля (враг) был отброшен от этих орудий самое меньшее на стадий. В тот же миг разгорелся жестокий бой» [19; с. 436 – 438].

Данное свидетельство источника разрывается Яном Длугошем на две части и приводится летописцем в двух разных местах своей «Истории Польши». Сначала он пишет: «лишь только зазвучали трубы, всё королевское войско громким голосом запело отчую нашу песнь «Богородицу», а затем, потрясая копьями, ринулись в бой» [6; с. 101]. Далее продолжает: «оба войска, подняв с обеих сторон крик, который обычно издавали, устремляясь в бой, сошлись посреди разделявшей их равнины, причем крестоносцы после, по крайней мере, двух выстрелов из бомбард старались разбить и опрокинуть польское войско; однако усилия их были тщетны, хотя прусское войско бросилось в бой с более сильным натиском и криками с более высокого места» [6; с. 101]. А затем, уже после описания бегства армии Великого княжества Литовского и отступления и возвращения в битву чешских и моравских наёмников из хоругви Святого Георгия, Ян Длугош сообщает, что «после того, как литовское войско обратилось в бегство и страшная пыль, застилавшая поле сражения и бойцов, была прибита выпавшим приятным небольшим дождём, в разных местах снова начинается жестокий бой между польским и прусским войском» [6; с. 104].

Разбирая сообщение Яна Длугоша о действии смоленских полков в битве при Грюнвальде, следует исходить из следующих посылок.

Упоминание о действии смоленских хоругвей является «нововведением» Яна Длугоша, поскольку письменные источники, которыми он пользовался при создании своей «Истории Польши», ничего о них не сообщают. Следовательно, при введении в исторический нарратив описания героической борьбы смолян в Грюнвальдской битве польский летописец пользовался либо изустными свидетельствами, либо собственным воображением, либо данный эпизод является плодом искажения реляций первичных источников. Наконец, нельзя исключить вероятность, что мы имеем дело с банальной ошибкой хрониста.

Напомним, что при описании битвы, представленном в «Хронике конфликта...», прямо заявляется, что две польские хоругви – Святого Георгия, состоящая из чешских наёмников, и передней стражи (в варианте Яна Длугоша – королевских телохранителей), сражались уже в первой сшибке вместе с хоругвями Великого княжества Литовского: *«По правую руку вступил в бой князь Витовт со своими людьми, с хоругвью Святого Георгия и хоругвью передней стражи»* [19; с. 437]. Далее хроника кратко сообщает, что после часа битвы хоругви Витовта вынуждены были отступить. Это сообщение в изложении Яна Длугоша превращается в повальное бегство и полную дезорганизацию армии Великого княжества Литовского, с которым, между прочим, вынуждена была отступить «в лес» и хоругвь Святого Георгия. Отступление хоругви чешских наёмников рассматривается польским летописцем практически как предательство, спровоцированное их знаменосцем Яном Сарновским, а их последующее возвращение в битву приписывается заслугам вице-канцлера Польского королевства Николая Тромбы. В отличие от чехов, литовцы в описании Яна Длугоша бежали с поля боя окончательно и бесповоротно, при этом некоторые из них даже «достигли Литвы», распространяя слухи о поражении [6; с. 102].

Любопытно, что хоругвь передней стражи «выпадает» из повествования Яна Длугоша, хотя согласно сообщению «Хроники конфликта...» она должна была так же отступить вместе с отрядами Витовта.

Данное обстоятельство указывает на вполне очевидную идеологизированность его повествования: в хоругви передней стражи находились князья и высшие сановники Польской Короны и Великого княжества Литовского [6; с. 87 – 90].

Далее Ян Длугош столкнулся с серьёзной проблемой: и «Хроника конфликта...» и Чигизский манускрипт и хроники Тевтонского ордена единодушно сообщают, что войска Великого княжества Литовского участвовали в окружении и разгроме армии крестоносцев. Так, в продолжении хроники Яна фон Поссилге читаем: *«...но пришли его гости и наёмники, когда они не были построены, и напали с одной стороны, а язычники (то есть воины Витовта) с другой, и окружили их, и люди магистра, и великие сановники, и очень много братьев Ордена – все погибли»* [24; с. 316]. Автор Торуньских анналов поэтически замечает, что окружённые крестоносцы были *«подобны там острову»* [22; с. 316]. «Хроника конфликта...» также сообщает что крестоносцы *«перед теми, кого вынудили бежать, начали отступать»*, то есть перед армией Витовта, которая согласно версии Яна Длугоша безвозвратно бежала с поля боя [19; с. 436 – 438].

В этот момент и появляются в «Истории Польши» мистические три смоленских полка, которые *«упорно сражались, стоя под собственными тремя знамёнами. Одни только не обратившись в бегство... Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены, и знамя их было втоптанно в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями... и... соединились с польскими войсками»* [6; с. 102].

Ян Длугош загоняет себя в противоречия ещё дальше. Когда вся армия Витовта, кроме указанных трёх хоругвей, бежала, а слева как минимум две польские хоругви отступили, то упомянутые отряды оказались «островом», отрезанным со всех сторон атакующими крестоносцами. При этом они были отрезаны и от польского крыла в том числе.

Далее одна из этих хоругвей, по словам польского летописца, была полностью уничтожена в битве, хотя нам доподлинно известно, что армия Великого княжества Литовского потеряла в сражении до двадцати хоругвей, о чём Яну Длугошу вероятно просто не было известно.

Наконец, определённое недоумение вызывает указание Яна Длугоша о том, что две хоругви соединились с польскими войсками. Получается, что они не атаковали крестоносцев, а продвигались в направлении польского крыла. То есть речь в данном случае может идти как минимум об их отступлении.

Представленные соображения позволяют нам сделать очень важный вывод: *введённые в повествование Яном Длугошем смоленские хоругви не только не прикрывали, как это утверждают некоторые исследователи, фланг польской армии, но и вообще не могли играть какой-либо существенной*

стратегической роли в Грюнвальдском сражении. Причём это предположение справедливо как в случае принятия нами версии об осуществлении Витовтом в бою маневра обманного бегства, так и при признании вынужденного отступления армии Великого княжества Литовского.

Представляется вполне вероятным, что три смоленских полка – всего лишь очередное недоразумение, внесённое Яном Длугошем в повествование с вполне определёнными целями: преодолеть противоречия между сообщениями доступных ему источников, объяснив, каким образом бежавшая армия Витовта приняла впоследствии участие в военных действиях, и подчеркнуть в очередной раз вклад, внесённый польской стороной в разгром крестоносцев. Противоречия летописцу преодолеть не удалось.

Синтез сообщений источников показывает, что, по всей вероятности, смоленская хоругвь находилась на стыке крыла Великого княжества Литовского и позиций, занимаемых польскими хоругвями (что стало известно Яну Длугошу из изустных источников). Оттуда она была оттеснена крестоносцами вместе с хоругвями Святого Георгия и передней стражи и, возможно, ещё одной какой-то хоругви из армии Витовта к польским отрядам. Случилось это во время прорыва атакой Фридриха фон Валенрода боевого построения армии Витовта и обращения в бегство части отрядов Великого княжества Литовского.

Представляется так же недоразумением сообщение Яна Длугоша о существовании трёх смоленских хоругвей в армии Великого княжества Литовского.

Сходство военной организации Тевтонского ордена, Польского королевства и Великого княжества Литовского определённо свидетельствует, что в данном регионе существовали единые стандарты формирования и комплектования армии.

Хоругви в армиях Тевтонского ордена, Польского королевства, равно как и в составе войск Великого княжества Литовского, формировались согласно определённой «иерархии». Сначала создавались большая и меньшая «государственные» хоругви верховного сюзерена, затем «придворные» хоругви, далее хоругви крупных вассальных территорий таких, как княжества или герцогства. Затем в состав армий включались хоругви, составленные из наёмных рыцарей. Наконец, следующие хоругви формировались по территориальному либо родовому принципу [1; с. 25 – 32].

Это подразумевает, что двух смоленских, так же как двух полоцких, двух краковских и т.д. хоругвей, вероятно, быть просто не могло. Могли быть две хоругви только королевские либо великокняжеские. От числа воинов, которых выставляли те или иные земли, зависело не количество хоругвей – а их величина. Так, хоругвь передней стражи в польской армии содержала 60 копеечников [6; с. 87 – 90], а хоругвь из Мейсена, сражавшаяся на стороне ордена – 229 копий, или 687 человек [3; с. 215 – 216; 20]. Отряды с большим численным составом в начале XV столетия на более мелкие не разбивались.

Конечно, со стороны Ордена были выставлены, например, две Гданьские хоругви, но одна из них была хоругвью, сформированной из вассальных рыцарей, имевших земельные владения в Гданьском округе, вторую же составляли жители города Гданьска, которые в обычных условиях на войну не призывались вообще [23; с. 64 – 66].

В армии Великого княжества Литовского, в котором воинская повинность определялась привилегией Ягайлы от 1387 года, такая ситуация возникнуть не могла, поскольку кампания 1410 года являлась заграничным походом. К зарубежным же походам ни горожане, ни крестьяне княжества не привлекались.

Версия о транспозиции этнонима «смоленские» на оршанскую и мстиславскую хоругви выглядит абсолютно неубедительно. По аналогии волковысскую хоругвь Ян Длугош должен был бы отнести к гродненским. Очевидно, что данная версия абсолютно безосновательна и является не более чем домыслом её создателей.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что

– говорить о каком бы то ни было судьбоносном влиянии на сражение со стороны смоленских воинов, нет абсолютно никаких оснований;

– смоленских хоругвей не могло быть три;

– мы можем с большой долей вероятности реконструировать действия во время битвы только одной хоругви Витовта – смоленской, которая была оттеснена вместе с хоругвями Святого Георгия и передней стражи ударом отрядов Фридриха фон Валенрода к месту дислокации польской армии;

– мы не можем ничего с уверенностью сказать о существовании в армии Великого княжества Литовского оршанской и мстиславской хоругвей.

Вывод напрашивается вполне очевидный и однозначный – героический подвиг трёх смоленских полков в сражении под Грюнвальдом является не более чем мифом, введённым в нарратив Яном

Длугошем, чтобы неуклюже преодолеть противоречия в повествовании, – мифом, который вводил в заблуждение многих историков в течение двух столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагуа, Р.Б. Военная организация армий в сражении при Грюнвальде / Р.Б. Гагуа // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – № 1. – Пинск, 2009. – С. 25–32.
2. Гагуа, Р.Б. Литовская историография Великой войны с Тевтонским орденом (1409 – 1411) / Р.Б. Гагуа // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku: zb. nauk. art. / Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego; pod red. P. Franaszka, A.N. Nieczuchrina. – Kraków, 2007. – Wydanie 1. – S. 89–92.
3. Гагуа, Р.Б. Несколько замечаний по поводу участия в сражении при Грюнвальде хоругви из Мейсена / Р.Б. Гагуа // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы междунар. науч.-теор. конф., Витебск, 19–20 апреля 2007 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2007. – Ч. 1. – С. 215–216.
4. Гагуа, Р.Б. Российская и белорусская историография сражения при Грюнвальде / Р.Б. Гагуа // Весн. Гродн. дзярж. ун-та імя Я.Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. – 2003. – № 2 (20). – С. 15–22.
5. Грацианский, Н.П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века / Н.П. Грацианский – М., 1943.
6. Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 216 с.
7. Жюгжда, Ю.И. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XII – XV веках / Ю.И. Жюгжда // Исторический журнал. – 1943. – №8–9. – С. 23–45.
8. Иловайский, Д.И. Краткие очерки русской истории / Д.И. Иловайский. – Курск, 1996.
9. Караев, Г.Н. К 550-летию Грюнвальдской битвы / Г.Н. Караев, В.Д. Королюк. – Вопросы истории, 1960. – № 7.
10. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – Кн. 2. – Ростов-на-Дону, 1997.
11. Коялович, М.О. Грюнвальдская битва 1410 года / М.О. Коялович. – Санкт-Петербург, 1885.
12. Пашуто, В. 550 – ление Грюнвальдской битвы / В. Пашуто, М. Ючас // Военно-исторический журнал. – 1960. – № 9. – С. 87–98.
13. Пичета, В.И. Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками / В.И. Пичета // Исторический журнал. – 1941. – № 9. – С. 25–39.
14. Тарасов, К. Погоня на Грюнвальд. Исторический роман / К. Тарасов. – Минск: ПКМП «Оракул», 1992. – 288 с.
15. Тихомиров, В.Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII – XV вв. / В.Н. Тихомиров. – М., 1941.
16. Флоря, Б.Н. Грюнвальдская битва / Б.Н. Флоря // Вопросы истории, 1985. – № 7. – С. 105–112.
17. Цярохін, С. Грюнвальдская бітва 1410 / С. Цярохін // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 157–159.
18. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376–1430 // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia / Collectus opera A. Prochaska. – Cracoviae: Academia Literarum Crac., Sumptibus Academiae Literarum Crac., Typis Vlad. L. Anezye et Com, 1882. – Т. 6. – 1114 s.
19. Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 434–439.
20. Das Soldbuch des Deutschen Ordens 1410/1411 / Red. S. Ekdahl. – Köln–Wien: Böhlau, 1988. – 206 s.
21. Der Bericht der Chigi'schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235–237.
22. Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941 – 1410) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 13–399.
23. Grunwald. 550 lat chwaly / opracowali J.St. Kopczewski, M.Siuchniński. – Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawn. Szkolnych, 1960. – 392 s.
24. Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 13–399.

ON THE ISSUE OF THE ROLE PLAYED BY SMOLENSK REGIMENTS IN THE BATTLE OF GRUNWALD

R.B. GAGUA

Summary

In the article the question about the role which Smolensk regents played is considered. It is one of debatable aspects of the battle of Grunwald. The author marks out that in pre-revolutionary and Soviet historiography the interpretation of the role of Smolensk warriors at Grunwald was definite: when the army of the Grand Duchy of Lithuania began to retreat under pressure from the Teutonic Order only three Smolensk Banners stayed and, heroically fighting, rescued the situation and paved the way for the victory. The author comes to the conclusion, that the position is fallacious so long as most of historians in their researches used Jan Dlugosz's report, which is not a primary source and conflicts with the reports of the other chronicles.

Поступила в редакцию 7 октября 2009г.